

ИСТОЧНИК НОВЕЛЛЫ ОБ АДРАСТЕ (Hdt. I, 34–45)

В начале первой книги *Истории* Геродот рассказывает о несметных богатствах Креза, о советах, данных ему Солоном, и о несчастьях, постигших лидийского царя, вплоть до потери царства. Несчастья эти придадут Крезу мудрость, и впоследствии он скажет: Τὰ δέ μοι παθήματα ἔόντα ἀχάριτα μαθήματα γέγονε (I, 207). Однако первое из несчастий, которое в рассказе Геродота следует сразу за предостережением Солона, было для Креза самым страшным¹ – сын его, Атис, погиб на охоте от руки Адраста, чужеземца, которого Крез принял, очистил от скверны и которому поручил охранять Атиса во время охоты.

Вопрос о происхождении этого рассказа, конечно, ставился неоднократно. Большинство исследователей сходится на том, что точный источник новеллы установить невозможно и несомненно лишь, что она не восходит к дельфийской традиции.² Так, Ашери пишет в своем комментарии к I, 34–45:

The logical and moral connection between Croesus' arrogance and the subsequent story of the tragic death of his son is clear. Croesus apparently had two sons and a daughter (NaNis: Hermesianax fr. 6 Diehl). It was well

¹ Об этом свидетельствует реакция Креза – Геродот сообщает, что он два года не мог оправиться от потери сына: Κροῖσος δὲ ἐπὶ δύο ἔτεα ἐν πένθει μεγάλῳ κατῆστο τοῦ παιδὸς ἐστερημένος (I, 45). Без сомнения, Геродот намеренно помещает новеллу об Адрасте сразу после разговора Креза с Солоном – так историк предлагает читателю сравнить несчастье Креза с ответом Солона, считавшего наиболее счастливым из людей афинянина Телла, который дожил до старости и видел живыми и здоровыми не только детей, но и всех своих внуков (I, 30).

² Этую точку зрения отстаивает Флауэр в своей статье. Относительно эпизода об Атисе она отмечает: “There is no evidence to suggest that the story of Atys and Adrastus was from a Delphic source and it is not associated with any of Croesus’ dedications” (H. I. Flower. Herodotus and the Delphic Traditions about Croesus // M. Flower, M. Toher (eds.). *Georgica: Greek Studies in Honour of George Cawkwell*, BICS Suppl. 58 [1991] 72). Паузелл же считал, что ни один из этих эпизодов (ни разговор с Солоном, ни гибель Атиса) не восходит к дельфийской традиции – J. E. Powell. *The History of Herodotus* (Amsterdam 1967) 14.

known in Lydia that one of his sons met a violent death, but everything else is fiction. The very names Atys and Adrastus were thought symbolic, standing for Misfortune (ἀτη) and Necessity (ἀδράστεια), respectively.³

Хотя прямых параллелей к истории об Адрасте не существует, попытки найти геродотовский источник все же предпринимались, как правило, по следующим направлениям.

(1) Исходя из деталей рассказа.

Тот же комментарий Ашери предлагает связать Адраста с городом Адрастией в Мисии, где находился храм Немезиды,⁴ и заключает: “It seems likely that the story has its origin in a local aetiological saga”. Однако против мисийского или лидийского источника свидетельствует присутствие греческих реалий (таких, как три эпитета Зевса – καθάρσιος, ἐπίστιος, ἑταρήγιος, которые регулярно используются в контексте ритуального очищения;⁵ и обыгрывание имени Адраст как ‘неизбежный’): элементы такого рода придают новелле несомненный греческий отпечаток, что свидетельствует, согласно А. И. Доватуру, о греческом происхождении или, по крайней мере, о греческой передаче рассказа.⁶

(2) Исходя из манеры повествования.

Геродот придает своей новелле четкую структуру – его рассказ чередуется с речами персонажей:⁷ в авторском повествовании описывается лишь развитие событий, причем Геродот воздерживается от прямых оценок происходящего; зато диалоги персонажей, прерывающие повествование, уточняют, в каком свете следует видеть события, что движет персонажами и как они сами относятся к произошедшему. Отмечалось, что структура и весь тон рассказа имеют много схожего

³ D. Asheri, A. Lloyd, A. Corcella, O. Murray, A. Moreno. *A Commentary on Herodotus, Books I–IV* (Oxford 2007) 104, ad I, 34–45. На предполагаемый ближневосточный источник ссылаются и Кьянсон: C. C. Chiasson. Herodotus' Use of Attic Tragedy in the Lydian Logos // *CA* 22 (2003) 14 n. 29.

⁴ В пользу этого говорил бы тот факт, что во всей *Истории* слово νέμεσις используется один только раз в I, 34 (см. J. E. Powell. *A Lexicon to Herodotus* [Hildesheim 1977] s. v.).

⁵ Использование этих эпитетов (и их близких синонимов) описывает в приложении к своей статье Бликман: D. R. Blickman. The Myth of Ixion and Pollution for Homicide in Archaic Greece // *CJ* 81 (1986) 206–208.

⁶ “Еще одним признаком, по которому можно определить греческое происхождение рассказа или, по крайней мере, передачу негреческого рассказа греческими посредниками, может служить известный греческий отпечаток, лежащий на рассказе” (А. И. Доватур. *Повествовательный и научный стиль Геродота* [Л. 1957] 80; ср. также примеры на страницах 80–82).

⁷ Подробный нарратологический комментарий дает Ирен де Йонг: I. J. F. de Jong. Aspects narratologiques des *Histoires d'Hérodote* // *Lalies* 19 (1999) 244–251.

с трагедией⁸ – поэтому неоднократно предпринимались попытки возвести эпизод к некой недошедшей до нас трагедии или даже “лидийской трилогии”.⁹ Фрагмент трагедии о Гиге, опубликованный Эдгаром Лобелем в 1949 г., показывает, что такая возможность не исключена,¹⁰ однако без опоры на конкретную драму (пусть даже сохранившуюся в виде нескольких фрагментов или хотя бы изображения – такого, как знаменитая ваза Микона, изображающая Креза на костре) для эпизода об Атисе и Адрасте такое решение остается ничем не подтвержденной гипотезой.

Формулировка Ашери “в Лидии было хорошо известно, что один из сыновей Креза погиб насильтвенной смертью, а все остальное – вымысел”,¹¹ хорошо резюмирует то, что можно с уверенностью сказать о происхождении данной новеллы, и именно эта посылка должна лечь в основу любой реконструкции. Сразу же уточним, что, скорее всего, “вымысел” принадлежит самому Геродоту, а не лидийской традиции или какому-либо иному источнику: на протяжении этой, достаточно длинной, новеллы Геродот не упоминает ни единого источника, не использует в повествовании *accusativus cum infinitivo* и ни единой оговоркой или критическим замечанием не указывает на свое согласие или несогласие: отсутствие этих элементов на протяжении одиннадцати глав свидетельствует о том, что рассказ является либо вымышленным, либо, по мнению историка, совершенно непроверяемым.¹² Более того, выражение ὡς εἰκάσαι в самом начале новеллы

⁸ См., к примеру, H. R. Immerwahr. *Form and Thought in Herodotus*, APA Monographs (Cleveland 1966) 71; R. Riecks. Eine tragische Erzählung bei Herodot (*Hist.* I, 34–45) // *Poetica* 7 (1975) 32–37; A. Lesky. Tragödien bei Herodot? // K. H. Kinzl (ed.), *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies presented to Fritz Schachermeyr on the Occasion of his Eightieth Birthday* (Berlin 1977) 226–227; Chiasson (см. прим. 4) 9–12.

⁹ B. Snell. Gyges und Kroisos als Tragödienfiguren // *ZPE* 12 (1973) 205 n. 19. Ср. также обсуждение этой гипотезы у Chiasson ([см. прим. 4] 413–14); она решительно отвергается в комментарии Ашери и др. (см. прим. 4) 141, ad I, 86–87.

¹⁰ Естественно, Геродот не мог напрямую опираться на трагедию о Гиге, поскольку, как убедительно показали Курт Латте и Альбин Лески (K. Latte. Ein antikes Gygesdrama // *Eranos* 48 [1950] 136–144; A. Lesky. Das hellenistisches Gygesdrama // *Hermes* 81 [1953] 1–10), фрагмент этот восходит, скорее всего, к эллинистическому периоду.

¹¹ См. выше; того же мнения придерживается Riecks (см. прим. 8) 30–31.

¹² Иначе: C. Darbo-Peschanski. *Le discours du particulier. Essai sur l'enquête herodotéenne* (Paris 1987) 123–124. Она утверждала, что точный источник не указывается, если рассказ принадлежит традиции (“une tradition, née d'une collectivité difficile à cerner dans l'espace et dans le temps”) или если Геродот не хочет выделить этот рассказ из окружающего контекста. Объяснение это, однако, подходит лишь для небольшой части подобных пассажей. Значительно более тонкий анализ был

(единственный раз в течение одиннадцати глав, когда историк говорит от своего имени) задает отношение к рассказу, показывая, что Геродот реконструирует наиболее вероятные причины произошедшего.¹³

Итак, если исходить из предпосылки, что Геродот не имел точных сведений о смерти сына Креза и самовольно придал данному эпизоду ту сюжетную канву, которую он имеет, то вопрос об источниках следует переформулировать: почему Геродот отдал предпочтение именно такому развитию сюжета/событий и каковы источники этого сюжета?

В действительности, если посмотреть на “ядро” эпизода, отбросив конкретные детали (такие, как венер и просьба миссийцев о помощи, честолюбие недавно женившегося Атиса, охота), то основную проблему, которую Геродот всесторонне исследует в главах I, 34–45, можно свести к следующему: в случае, если от неточно брошенного копья погиб юноша, кто виноват в этой смерти? Бросивший ли? – но он не имел злого умысла. Юноша ли? – но он ненароком оказался на пути копья. Отец ли, который позволил сыну пойти на охоту, тем самым допустив опасную ситуацию? – но его, потерявшего любимого сына, менее всего кажется возможным винить.

Именно такая отвлеченная формулировка может, как кажется, подсказать источник Геродота: он опирается не на текст и не на устный рассказ из лидийского цикла, а на спор между двумя своими современниками, Периклом и Протагором, свидетельство о котором нам сохранил Плутарх. В жизнеописании Перикла он сообщает (гл. 36):

τὸ δὲ μειράκιον ὁ Ξάνθιππος ἐπὶ τούτῳ χαλεπῶς διατεθεὶς ἐλοιδόρει τὸν πατέρα, πρῶτον μὲν ἐκφέρων ἐπὶ γέλωτι τὰς οἴκους διατριβὰς αὐτοῦ καὶ τοὺς λόγους οὓς ἐποιεῖτο μετὰ τῶν σοφιστῶν. πεντάθλουν γάρ τινος ἀκοντίῳ πατάξαντος Ἐπίτιμον τὸν Φαρσάλιον ἀκουσίως

предложен Фаулером (R. L. Fowler. Herodotus and His Contemporaries // *JHS* 116 [1996] 76–80). Разбирая всевозможные стилистические приемы, которыми Геродот может показать свое отношение к материалу, Фаулер так характеризует отсутствие авторских замечаний: “Voice-markers occur so often that in reading through him one begins to notice their *absence* more than their presence. <...> Interestingly the places where Herodotus steps aside and allows the eye of the reader to behold the events directly are those places where his imagination as a story-teller is given the freest rein: in telling anecdotes and in composing speeches. The absence of markers is no guarantee of objectivity; by the same token, a plethora of markers does not imply an historian who is allowing his own personality to get in the way of his job” (*ibid.*, 76).

¹³ “When dealing with the question of Croesus’ guilt or innocence and Delphi’s viewpoint on the matter, it is important to remember that it is Herodotus himself, and not Delphi, who chooses to interpret the fate of Cresus’ son Atys as a punishment from the gods at I, 34 <...> The key phrase here is ὡς εἰκάσαι, which shows that this is a deduction made by Herodotus himself when he was combining different traditions into a chronological account of Croesus’ reign” (Flower [см. прим. 2] 72).

καὶ κτείναντος, ἡμέραν ὅλην ἀναλῶσαι μετὰ Πρωταγόρου διαποροῦντα, πóτερον τὸ ἀκόντιον ἢ τὸν βαλόντα μᾶλλον ἢ τοὺς ἀγωνοθέτας κατὰ τὸν ὄρθοτάτον λόγον αἰτίους χρὴ τοῦ πάθους ἡγεῖσθαι.

Несчастный случай, произошедший с Эпитетом из Фарсала,¹⁴ возможно, во время одного из общегреческих соревнований, вызвал дискуссию между ведущим политиком и наиболее влиятельным из софистов: судя по тому, что сообщает Плутарх, дискуссия эта имела прежде всего – если не исключительно – юридический характер.¹⁵ Каузус был действительно интересным. Афинское законодательство требовало наказания за любую насильственную смерть, даже произошедшую из-за несчастного случая (если виновник убийства не был известен, то иск вчинялся против безымянного виновника; кроме того, судебное разбирательство могло вестись против животных и неодушевленных предметов, оказавшихся причиной насильственной смерти, в случае, если к ней не был причастен никто из людей).¹⁶ При определенных обстоятельствах, которые перечисляются у Демосфена и Аристотеля,¹⁷ убийство считалось законным и не наказывалось: в частности, насильственная смерть во время состязаний в борьбе представляла одно из таких исключений. Однако некоторые случаи не попадали ни в одну из перечисленных в законе категорий, и для них существовал особый суд – Дельфиний. Макдауэлл показывает, что в Дельфинии разбиралось не виновность или невиновность подсудимого, а вопрос о том, каковы обстоятельства убийства и можно ли

¹⁴ Одна группа рукописей дает его имя как Эпитетий из Фарсала: однако имя это стоит в родительном падеже (*Ἐπιτίμιον τοῦ Φαρσαλίου ΉΜΑ*), что создает трудности с точки зрения синтаксиса. В изданиях это чтение не принимается.

¹⁵ Для Перикла, конечно, этот вопрос был интересен с точки зрения юридической – иначе сложно представить себе, чтобы он мог потратить целый день на его рассмотрение; о том, что Протагор серьезно интересовался юриспруденцией, мы можем судить по тому, что в Фуриях именно он писал законы для новой колонии (*Protag. fr. 1 DK = Diog. Laert. IX, 50*).

¹⁶ ὅταν δὲ μὴ εἰδῆ τὸν ποιήσαντα, τῷ δράσαντι λαγχάνει· δικάζει δ' ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ φυλοβασιλεῖς, καὶ τὰς τῶν ἀψύχων καὶ τῶν ἄλλων ζώων (*Aristot. Ath. Pol. 57, 4*). См.: D. M. MacDowell. *Athenian Homicide Law in the Age of the Orators* (Manchester 1963) 85–89.

¹⁷ У Демосфена закон, освобождавший от наказания при определенных обстоятельствах, цитируется целиком: Ἐάν τις ἀποκτείνῃ ἐν ἄθλοις ἄκων, ἢ ἐν ὅδῳ καθελών ἢ ἐν πολέμῳ ἀγνοήσας, ἢ ἐπὶ δάμαρτι ἢ ἐπὶ μητρὶ ἢ ἐπ' ἀδελφῇ ἢ ἐπὶ θυγατρὶ, ἢ ἐπὶ παλλακῇ ἢν ἀν ἐπ' ἑλευθέροις παισὶν ἔχῃ, τούτων ἔνεκα μὴ φεύγειν κτείναντα (*Dem. 23, 53*). В *Афинской политии* же этот закон приводится в несколько измененном и сокращенном виде: ἐὰν δ' ἀποκτεῖναι μέν τις ὁμολογῇ, φῆ δὲ κατὰ τοὺς νόμους, οἶον μοιχὸν λαβών, ἢ ἐν πολέμῳ ἀγνοήσας, ἢ ἐν ἄθλῳ ἀγωνιζόμενος, τούτῳ ἐπὶ Δελφινίῳ δικάζουσιν (*57, 3*).

его считать “законным”.¹⁸ В частности, гибель Эпитима представляла именно такой неоднозначный случай: убийство явно было непреднамеренным, однако оно не могло быть оставлено без наказания, поскольку не попадало в категорию ἐν ἀθλῷ ἀγωνιζόμενος. М. Гагарин пишет:

The phrasing in Aristotle (*ἐν ἀθλῷ ἀγωνιζόμενος*) implies that only the killing of an opponent in a competition was specifically designated as lawful by the law. <...> I suspect the law applied only primarily, if not solely, to death in physical combat (i. e., in boxing or wrestling contests), since only in these could the risk of a homicide be great enough to inspire a special law exempting the death from normal homicide procedure. If we can believe Plutarch’s report (*Per.* 36, 3) that Pericles and Protagoras discussed the case of an unintentional killing with a javelin in the course of a pentathletic competition, we may perhaps infer that even during a competition such a death was not at this time legally exempt from punishment.¹⁹

Итак, три возможности, обсуждавшиеся Периклом и Протагором, соответствовали афинскому законодательству: нужно было наказать невольного убийцу, устроителей соревнований или копье. Неизвестно, поднимался ли вопрос о том, чтобы переложить ответственность на погибшего (представив его как самоубийцу); также маловероятно, чтобы скверна, от которой весь город мог пострадать за безнаказанную смерть, обсуждалась ими всерьез.

Несомненно, Геродот знал об этой дискуссии. Во-первых, историк был вхож в ближайший круг Перикла,²⁰ был дружен с Протагором,²¹ и неслучайно, что при основании колонии в Фуриях софист и историк оказались одними из первых поселенцев.²² Во-вторых, даже если

¹⁸ MacDowell (см. прим. 16) 71.

¹⁹ M. Gagarin. Self-defence in Athenian Homicide Law // *GRBS* 19 (1978) 116 n. 24.

²⁰ Для Якоби близость к Периклову кругу была одним из немногих точных фактов в биографии Геродота: “Eine der sichersten Tatsachen in Herodots Leben ist seine intime Verbindung mit Athen und im besondern mit dem Kreise um Perikles” (F. Jacoby. *Herodotus* // *RE Suppl.* 2 [1913] 233).

²¹ Макнил хотел считать их близкими друзьями, распившими не один кратер вина в доме Перикла (R. A. McNeal. *Protagoras the Historian* // *History and Theory* 25 [1986] 299); более умеренный взгляд на их отношения у Розалинд Томас (R. Thomas. *The Intellectual Milieu of Herodotus* // C. Dewald, J. Marincola (eds.). *Cambridge Companion to Herodotus* [Cambridge 2006] 67–68).

²² Точная дата прибытия Геродота в Фурии нам неизвестна. Якоби считал, что он поехал туда позже основной экспедиции (Jacoby [см. прим. 20] 224–226). Легран и Виктор Эренберг склоняются к тому, что Геродот принимал участие в экспедиции 443 года (Ph.-E. Legrand. *Hérodote. Introduction* [Paris 1932] 15–16; V. Ehrenberg. *The Foundation of Thurii* // *AJP* 69 [1948] 169–170). Наиболее решительным является мнение Пауэлла: “Herodotus could only call himself Θούριος if

предположить, что от самих спорщиков Геродот не слышал ничего ни о самом казусе, ни об основных приводимых аргументах, то вопрос, ими поставленный, явно обсуждался в обществе²³ и в особенности в софистических кругах. Как кажется, дискуссия эта получила прямое отражение в трех дошедших до нас произведениях второй половины V в. до н. э.: во второй тетralогии Антифона, в трагедии Софокла *Ларисейцы* и в новелле об Адрaste у Геродота.²⁴ Каждый из этих авторов по-своему трактовал этот сюжет, и соответственно, по-своему расставлял акценты, стремясь представить свое решение в этой дискуссии. Объединяет эти три текста непредумышленное убийство в ситуации, которая *a priori* не представляла особой опасности, и поиск виновного – причем авторы стараются всеми способами свести к минимуму вину самого метателя.

1. Вторая тетralогия Антифона представляет собой обмен речами в суде между двумя отцами – отцом юноши, погибшим в палестре, и отцом юноши, бросившим копье и поневоле ставшим убийцей. Из-за совпадения в общем подходе к юридическому казусу и в деталях конкретных дел спор между Периклом и Протагором регулярно приводится если не как источник Антифона, то, по крайней мере, как близкая параллель.²⁵ Заметим, что, как и в том споре, для Антифона основным является вопрос об уголовной ответственности. Однако, поскольку он переносит обсуждение уже в суд (хоть и воображаемый), а это подразумевает форму “истец против ответчика”, то, естественно, виновность третьего лица (или предмета) уже не рассматривается: отец-истец, при-

he had resided as a citizen at Thurii; and since there is no mention of colonists having been sent there subsequently to the original foundation early in 443 BC, while on the other hand <...> Herodotus had returned to Athens by 430 BC, it was in all probability in the actual year 443 BC that he went to Thurii” (Powell [см. прим. 2] 64).

²³ Об этом свидетельствует сам Плутарх, говоря, что сын Перикла “выносил на осмеяние” частные разговоры отца (ἐκφέρων ἐπὶ γέλωτι).

²⁴ Сопоставление всех трех текстов друг с другом и со свидетельством дискуссии Перикла и Протагора, насколько нам известно, ранее не предпринималось, хотя их близость между собой по отдельности была замечена. Разумеется, сходство сюжета второй тетralогии с дискуссией Перикла и Протагора, пересказанной у Плутарха, указывается во всех изданиях Антифона. Жерне отмечает сходство одного пассажа у Антифона с новеллой об Адрасте (см. прим. 26), а трагедию *Ларисейцы* привлекает к обсуждению неумышленного убийства М. Гагарин в одной из сносок (Gagarin [см. прим. 19] 116 н. 24).

²⁵ L. Gernet (ed.). *Antiphon. Discours suivis des fragments d'Antiphon le sophiste* (Paris 1954) 11–12. М. Гагарин, однако, полагает, что установить зависимость Антифона от дискуссии Протагора и Перикла невозможно: “Speculation on the influence of Protagoras on Antiphon (or vice versa) is futile. Whether or not an actual incident gave rise to these (and other) discussions, the story indicates that the causes of and responsibility for accidental events occupied the attention of many intellectuals at this time” (M. Gagarin [ed.]. *Antiphon: the Speeches* [Cambridge 1997] 144–145).

знаяя, что убийство было неумышленным, пытается доказать, что метнувшего копье юношу все же следует наказать; отец-ответчик в свою очередь – что погибший двигался навстречу летящему копью и поэтому именно его следует считать “убийцей” ($\alpha\delta\theta\epsilon\nu\tau\eta\varsigma$) самого себя.²⁶

Помимо этого отличия, обусловленного жанром текста, у Антифона дополнительно появляется психологизм, поскольку речи произносятся от лица конкретных персонажей. Наконец, важно, что отец-истец, стремясь убедить судей в том, что юноша, метнувший копье, должен быть наказан, настойчиво утверждает, что в противном случае на город падет скверна.²⁷

2. В основе трагедии Софокла *Ларисейцы*, от которой до нас дошло шесть фрагментов (десять стихотворных строк и одна гlossen), лежал миф о нечаянной смерти Акрисия от руки Перссея, неточно метнувшего диск во время состязаний. Согласно мифу, Акрисий был предупрежден оракулом, что погибнет от руки своего собственного внука, и потому избегал его, переселившись в Ларису.²⁸ Там Персей нашел своего деда и уговорил его вернуться в Аргос; в честь примирения деда и внука были устроены игры. Если реконструкция Пирсона²⁹ верна, то у Софокла устроителем соревнований был сам Акрисий. В таком случае Софокл усилил трагическую иронию, переложив,

²⁶ В первой защитной речи отец-ответчик пытается привести все возможные аргументы, чтобы переложить вину со своего сына на погибшего юношу, но не называет прямо произошедшее “самоубийством”; само же слово $\alpha\delta\theta\epsilon\nu\tau\eta\varsigma$ произносит негодующий отец-обвинитель во второй своей речи (Antiph. B, γ, 4 и 11). Употребление $\alpha\delta\theta\epsilon\nu\tau\eta\varsigma$ во второй тетralогии было подробно разобрано Жерне: L. Gernet. *Droit et société dans la Grèce ancienne* (Paris 1955) 30–31.

²⁷ Скверна, связанная с убийством, упоминается во второй тетralогии в общей сложности трижды: дважды ее приводят в качестве аргумента отец-истец (Antiph. B, α, 2; γ, 8; 10–11), и один раз этого вопроса касается отец-ответчик (Antiph. B, β, 8–9). Паркер отмечал, что в *Тетralогиях* вообще вопрос о скверне поднимается значительно чаще, нежели в настоящих судебных речах: R. Parker. *Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion* (Oxford – New York 2003) 126. Согласно Жерне, именно вопрос о скверне позволяет сблизить вторую тетralогию с новеллой об Адрасте: Gernet (см. прим. 25) 80 п. 2.

²⁸ E. Kuhnert. Perseus // W. H. Roscher (Hg.). *Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie* III (Leipzig 1887–1909) 1993.

²⁹ A. C. Pearson (ed.), *The Fragments of Sophocles* (Cambridge 1917) 47–48; того же мнения придерживается и Kuhnert (см. прим. 28), *ibid.*; Зелинский же полагал, что устроителем состязаний был царь Ларисы Тевтамид. В самом фрагменте нет определенных указаний, о ком идет речь; единственным указанием в пользу того, что устроителем был Акрисий, может служить глагол $\kappa\tau\rho\upsilon\sigma\beta\epsilon\tau\alpha\iota$, стоящий в медиин; однако, как отмечает Пирсон в комментарии, медиальная форма может иметь каузативный оттенок (“заставляет объявить”) и не обязательно подразумевает заинтересованность агента.

насколько возможно, вину на убитого (Акрисий “виноват” в своей гибели не только тем, что оказался на пути диска, но и тем, что сам же и устроил соревнование) и уменьшив, соответственно, вину убийцы. Вина Персея, кроме того, облегчена, во-первых, тем, что это был уже третий его бросок и что в самый момент броска его то ли толкнул, то ли помешал ему, подойдя слишком близко, дотиец Элат,³⁰ во-вторых, попадание было не прямым – диск отскочил от земли; наконец, если Пирсон прав в своей реконструкции, рана не была смертельной и Акрисий умер не сразу.

Более чем вероятно, что божественное предостережение также играло важную роль в *Λαρισαῖοι*, хотя ни один из сохранившихся фрагментов Софокла на это прямо не указывает: о существовании оракула нам известно из пересказа Ферекида, сохранившегося в схолиях в Аполлонию Родосскому, и из Аполлодора;³¹ сам жанр трагедии предполагает перенос вопроса о вине из сферы юридической в сферу этики и традиционных верований.³² Заметим, наконец, что незначительные изменения в деталях – Персей метал диск, а не копье – не должны были помешать публике (или той ее части, которая либо слышала о дискуссии Перикла и Протагора, либо же просто знала о случившемся с Эпитимом из Фарсала) провести параллель между мифом и современностью.

3. Новеллу об Адрасте, Крезе и Атисе следует, как кажется, считать еще одним отражением в литературе этой юридической дискус-

³⁰ Soph. *fr.* 380 Radt: κοί μοι τρίτον ρίπτοντι Δωτιεὺς ἀνήρ / ἀγχοῦ προσῆψεν “Ελάτος ἐν δισκήματι. Дошедший текст явно испорчен; для глагола *προσῆψεν* предлагались разные замены. В словаре *LSJ* глаголу в этом фрагменте придается значение ‘приблизиться’ (‘came very near me’), но не приводится параллелей для подобного значения. Август Наук предлагал конъектуру *προσῆξεν*: хотя это исправление минимально, смысл получается несколько странным (сложно представить себе ситуацию во время соревнований, когда бы один атлет бросился к другому во время броска); дальше отходит от сохранившегося текста Харрис, заменяя рукописное *ἀγχοῦ προσῆψεν* на *ἀγκώνος ἥψατ* (“коснулся локтя”): H. A. Harris. A fragment from the *Larissaioi* of Sophocles // *CR* 24 (1974) 4–5.

³¹ *Scholia in Ap. Rhod.* 4, 1090 (= *FHG I*, 76); [Apollod.] *Bibl.* II, 47.

³² Так, Жан-Пьер Вернан, в общем с Видаль-Наке труде о греческой трагедии, обсуждая регулярное использование трагиками юридических терминов и понятий, замечает, что употребляются они иначе, нежели в судебном красноречии: “Aucune tragédie n'est en effet un débat juridique, pas plus que le droit ne comporte en lui-même rien de tragique. Les mots, les notions, les schèmes de pensée sont utilisés par les poètes tout autrement qu'au tribunal ou chez les orateurs. Hors leur contexte, ils changent en quelque sorte de fonction. Sous la plume des Tragiques, ils sont devenus, mêlés et opposés à d'autres, les éléments d'une confrontation générale des valeurs, d'une mise en question de toutes les normes...” (J.-P. Vernant, P. Vidal-Nacquet. *Mythe et tragédie en Grèce ancienne* [Paris 1986] 22–23).

ции V в. Геродот действует в значительной мере подобно Софоклу, взяв эпизод, известный ему лишь в самых общих чертах,³³ придав ему сходство с несчастным случаем на спортивном состязании и таким образом внося собственный вклад в последовавшую за ним дискуссию. Геродот избрал для гибели Атиса момент, когда другие охотники были свидетелями тому, что убийство было неумышленным: для этого наиболее подходящим был заключительный этап охоты на крупного зверя, когда тот уже запутался в сетях, а охотники, окружив его, мечут в него дротики.³⁴ И так же, как юноша из второй тетralогии Антифона и, вероятно, Эпитим из Фарсала погибли из-за замкнутого округлого пространства стадиона, Атис был ранен, поскольку охотники стояли кругом.

Общим с рассмотренными ранее текстами является то, что Геродот освобождает убийцу не только от злого умысла, но и легкомыслия или недосмотра: идти на охоту Адраст не хочет и соглашается сопровождать Атиса лишь под давлением Креза, которому он обязан (^τ*Ωβαστιλεῦ, ἄλλως μὲν ἔγωγε ἀν οὐκ ἡια ἐς ἀεθλον τοιόνδε· <...> Νῦν δέ, ἐπείτε σὺ σπεύδεις καὶ δεῖ τοι χαρίζεσθαι (ὸφείλω γάρ σε ἀμείβεσθαι χρηστοῖσι), ποιέειν εἰψὶ ἔτοιμος ταῦτα...); царь сам предлагает, чтобы Адраст на охоте не ограничивался охраной его сына, но и участвовал в ней (Πρὸς δὲ τούτῳ καὶ σέ τοι χρεόν ἔστι ιέναι ἐνθα ἀπολαμπρυνέαι τοῖσι ἔργοισι· πατρώιόν τε γάρ τοι ἔστι καὶ προσέτι ρώμη ὑπάρχει). Даже сам Крез может осудить Адраста не более, нежели тот осудил себя сам (ἔχω, ὁ ξεῖνε, παρὰ σέο πᾶσαν τὴν δίκην, ἐπειδὴ σεωυτοῦ καταδικάζεις θάνατον. Εἰς δὲ οὐ σὺ μοι τοῦδε τοῦ κακοῦ αἴτιος, εἰ μὴ ὅσον ἀέκων ἔξεργάσαο, ἀλλὰ θεῶν κού τις...). Неосмотрительность Креза, напротив, подчеркнута: он, несмотря на предупреждение, что Атис погибнет от железного копья, уступил просьbam сына и отпустил его на охоту; более того, он приставил к нему человека, которого уже*

³³ Для трагедии, см.: P. Burian. Myth into *Muthos*: The Shaping of Tragic Plot // P. E. Easterling (ed.). *Cambridge Companion to Greek Tragedy* (Cambridge 1997) 183–186. В отношении Геродота здесь возникает методологическая сложность: комментаторы зачастую объясняют те или иные детали рассказа (в особенности новеллы) возводя их к “устному источнику” Геродота. Напротив, так называемые “программические” речи – к примеру, спор семи персов о наилучшей форме правления (III, 80–82) – трактуются как отражение мысли самого Геродота или же политических дебатов в Афинах V в. Необычность эпизода об Адрасте состоит в том, что он является, с одной стороны, новеллой, а с другой стороны, как мы постараемся показать, имеет и “программную” составляющую.

³⁴ Описание этого этапа нам сохранил Ксенофонт: ἐν τούτῳ δὲ τῷ καιρῷ αἱ μὲν κύνες προσκείσονται· αὐτὸν δὲ χρὴ φυλαττομένους αὐτὸν ἀκοντίζειν, καὶ βάλλειν λίθοις, περισταμένους δῆτισθεν καὶ πολὺ ἀπωθεν, ἔως ὃν κατατείνῃ προωθῶν αὐτὸν τῆς ἄρκυος τὸν περίδρομον (Xen. *Cyn.* 10, 10).

однажды коснулась скверна. Общим у Геродота с *Ларисейцами* является то, что божественному участию в трагедии Креза отводится важное место (оно упоминается трижды в течение рассказа); сближает их и усиленное использование трагической иронии (стремясь избежать несчастья, Крез лишь приближает его; обещав ἀμείβεσθαι χρηστοῖσι, благодарный Адраст, по воле случая, отплачивает своему благодетелю тем, что убивает его сына, и т. д.).

О том, что сама структура новеллы и наличие в ней таких элементов, как вестник, напоминает трагедию, уже было сказано выше: Рикс даже называл этот эпизод “трагедией в прозе”.³⁵ Однако есть один элемент, подмеченный Альбином Лески, который показывает, что Геродот *не мог* пересказывать настоящую трагедию:³⁶ Адраст покончил с собой на гробнице Атиса – будь источником трагедия, самоубийство должно было быть показано прямо на сцене, что невозможно в античном театре. Исходя из этого Кьяссон, который видел во всем эпизоде сильное влияние трагедии, сделал вывод, что Геродот в этом “финале” выходит за рамки своей поэтической модели;³⁷ в частности, он заключил, что фраза συγγινωσκόμενος ἀνθρώπων εἶναι τῶν αὐτὸς ἥδεε βαρυσυμφορώτατος превращает Адраста в своего рода ἵστωρ (надо полагать, *ἵστωρ какοδαιμονίης*). Хотя мы совершенно не согласны с последним выводом,³⁸ кажется правильным, что влияние трагедии

³⁵ Riecks (см. прим. 8) 32.

³⁶ Как это старались доказать в особенности Денис Пейдж, Бруно Снелль и, несколько менее настоятельно, Лоро: D. L. Page. “An Early Tragedy on the Fall of Croesus? // PCPhS 188 (1962) 47–49; Snell (см. прим. 9); B. Laurot. “Remarques sur la tragédie de Crésus // Ktema 20 (1995) 98–103.

³⁷ Chiasson (см. прим. 3) 13: “I would like to suggest another interpretation of Herodotus’ method in the Atys/Adrastus story – one that places greater emphasis upon the extraordinary, indeed “hyper-tragic” ending of the episode as a means whereby Herodotus consciously abandons his poetic model and marks his own achievement in a new genre, transcending the possibilities of the tragic stage with a second climax that evokes and subsumes the previous periodic description of Atys’ death at the hands of Adrastus”.

³⁸ Кьяссон сближает выражение τῷ ν αὐτὸς ἥδεε βαρυσυμφορώτατος с формулой τῶν ἡμεῖς ὕμεν, регулярно встречающейся в этнографических пасажах у Геродота, когда он упоминает то, что известно всем грекам (Chiasson [см. прим. 3] 15–16). Затем, на основании того, что Геродот использовал схожую конструкцию в заключении новеллы об Адрасте, он делает следующий вывод: “In describing Adrastus’ abject misery, therefore, Herodotus uses an idiom most closely paralleled by the description of superlative marvels in the realm of ethnographic research. No less remarkable is the skill with which Herodotus seamlessly introduces the voice of the *histor* into his account of Adrastus’ death” (*ibid.*, 16). Интерпретация Кьяссона находится под сильным влиянием работ Р. В. Мансон и М. Р. Криста, искающих “двойников” Геродота среди персонажей *Истории* (R. V. Munson. The

в данном эпизоде – скорее внешнее и что Геродот не использует трагедию на сюжет о смерти Атиса, но выступает как историк, сознательно использующий возможности нового жанра. Геродот, вместе с тем, стремится дать свое решение в споре об ответственности за случайную смерть с точки зрения истории. При этом очевидно, сколь видное место уделяется неизбежности – именно это отличает ответ Геродота от чисто юридического подхода, который, скорее всего, был характерен для дискуссии Перикла и Протагора и несомненно – для тетралогии Антифона. Если тех интересовало, кого следует наказать за неумышленное убийство, и они смотрели на ситуацию исходя из настоящего, требующего отмщения за прошлое, то взгляд историка ищет общую закономерность за частным случаем. Начав издалека, Геродот выводит, словно решая математическую задачу, цепь естественных человеческих действий и реакций, которые приводят к трагедии: Крез естественным образом старается защитить сына, а Атис столь же естественным образом старается сохранить репутацию смелого человека; Крез уступает перед логичными доводами и настоятельным желанием сына, но приставляет к нему для безопасности Адраста. Единственной случайностью является то, что копье попало в Атиса, но и эта случайность была предопределена божеством. Читателям казалось невероятным милосердие, проявленное Крезом к Адрасту:³⁹ но главным для Геродота в данной новелле является не достоверность психологических портретов, а демонстрация силы неизбежности, ее неодолимости усилиями человека. Даже Крез вынужден признать, что не может наказать Адраста, поскольку они в равной степени ответственны за произошедшее; в то же время, когда Адраст сам приговаривает себя к смерти, Крез не останавливает его, тем самым признавая справедливость наказания. Некоторая психологическая непоследовательность объясняется тем, что в основу рассказа лег случай, до того уже подвергшийся тщательному теоретическому анализу (т. е. не случай с Эпитимом, а юридический казус).

Итак, как кажется, новелла об Адрасте появилась в *Истории* Геродота следующим образом. Геродот знал, что первым несчастьем, постигшим богатого и могущественного Креза, была гибель его сына на

Madness of Cambyses (Herodotus 3, 16–38) // *Aretusa* 24 [1991] 43–65; M. R. Christ. Herodotean Kings and Historical Inquiry // *CA* 13 [1994] 167–202). Однако, если пытаться услышать в данном пассаже “голос изыскателя” (the voice of the *histor*), то голос этот может принадлежать только самому Геродоту: вводя уточняющее придаточное τῶν αὐτὸς ἔδεε, Геродот показывает относительность суперлятива βαρυσύμφορώταος и постепенно готовится перейти к повествованию о последующих событиях.

³⁹ Asheri (см. прим. 3) 107 ad I, 45, 2.

охоте при неясных обстоятельствах. Но простого упоминания об этом было бы недостаточно, чтобы показать, сколь большим несчастьем это было для Креза, и следовательно, необходим был развернутый эпизод с описанием обстоятельств смерти, и в особенности с драматическими событиями и речами персонажей. Поэтому Геродот использовал отсутствие точных сведений, чтобы придать обстоятельствам смерти Атиса сходство с несчастным случаем на соревновании, широко обсуждавшимся в Афинах. Подобное восполнение недостающих исторических деталей представляется нам вполне вероятным: не приписывал ли Геродот схожим образом речи, которых он не мог слышать, своим персонажам, чтобы не только оживить рассказ, но и дать ненавязчивую оценку их характера, намерений и поступков? Согласно формулировке Генри Иммервара, “the historian reconstructs the past by using all the aspects of imagination except invention”.⁴⁰

Наконец, остается сказать несколько слов о датировке. Когда именно произошел несчастный случай с Эпитимом из Фарсала, мы не знаем. *Terminus ante quem* – 443 г. до н. э., поскольку разговор между Периклом и Протагором должен был происходить до экспедиции в Фурии. *Terminus post quem* определить сложнее, но исходя из того, что (а) Перикл к тому времени уже давно был у власти, что (б) Протагор должен был обжиться и утвердить свою репутацию в Афинах, что (в) сын Перикла, Ксантипп, должен был уже достаточно взрослым, чтобы жениться, – наиболее вероятным является период между 448/9 и 443 годами. В это время Геродот как раз был в Афинах⁴¹ и мог участвовать в дискуссии, выступив с публичным чтением новеллы об Адрaste. Трагедию *Ларисейцы* Зелинский считал ранней⁴² – по его мнению, она была третьей частью трилогии *Персеида* (вместе с трагедиями *Акрисий* и *Даная*); таким образом, эта трилогия могла быть поставлена несколькими годами ранее *Антигоны*. Скорее всего, новелла об Адрасте и трагедия Софокла были написаны сразу после несчастного случая с Эпитимом и служили откликом на дискуссию между Периклом и Протагором: необычные происшествия на спортивных состязаниях достаточно скоро забываются, а такая смена деталей, как

⁴⁰ Immerwahr (см. прим. 8) 4.

⁴¹ Jacoby (см. прим. 20) 237–242; Legrand (см. прим. 22) 29–32.

⁴² “На эту трагедию (*Акрисий*. – М. К.) ссылается сам Софокл в *Антигоне*, стих 944 сл.; следовательно, она принадлежит к числу ранних. Это подтверждается и тем обстоятельством, что она, будучи лишена связки – таковой могло быть только исполнение пророчества – мыслима только внутри трилогии, последней драмой которой должна быть та, которая содержала требуемую связку, то есть *Ларисейцы*. Итак, наша трагедия принадлежала к эсхиловскому периоду творчества Софокла, когда он еще не отказался от трилогического принципа своего учителя” (Ф. Ф. Зелинский. *Софокл. Драмы III* [М. 1915] 242–243).

у Геродота и Софокла (у первого состязание заменяется на охоту; у второго метание копья – на метание диска), возможна только, если впечатление от инцидента еще свежо. И напротив, вторая тетralогия Антифона могла быть создана несколько позже,⁴³ поскольку все детали описаны точно, а сам случай предстает как типичный пример неумышленного убийства, который не поддается однозначному юридическому толкованию.⁴⁴

М. Н. Казанская
СПбГУ – Сорбонна

Les origines de la nouvelle d'Adraste (Hdt. I, 34–45) sont incertaines. La majorité de chercheurs s'accordent à dire que l'information historique dont disposait Hérodote était très mince: en toute probabilité, il savait seulement que le fils de Crésus fut victime d'un accident de chasse. En tel cas, l'historien a du suppléer tous les détails de ce long épisode – ce qui est indirectement confirmé par le fait qu'il s'abstient de toute évaluation de sources ou d'autre intervention dans son récit durant onze chapitres.

La nouvelle d'Adraste tourne autour de la question suivante: *qui des trois participants est responsable de ce meurtre involontaire?* Prenant cela comme point de départ dans notre reconstruction, nous proposons de rapprocher la trame de cet épisode et la discussion entre Protagoras et Périclès sur la mort d'Epitime de Pharsale lors d'une compétition athlétique. Cette discussion, rapportée par Plutarque (Plut. *Per.* 36), comportait des implications juridiques, religieuses et morales, et a influencé plusieurs auteurs: Antiphon dans la Deuxième *Tétralogie* et Sophocle dans la tragédie *Larissaioi* ont tenté, dans les limites imposées par le genre, de donner une solution à la question de responsabilité. Hérodote, dans la nouvelle d'Adraste, a cherché de donner la sienne du point de vue historique.

⁴³ Определить времена написания *Тетралогий* сложно. Довер в своей статье о хронологии речей Антифона не берется решить вопрос о датировке *Тетралогий* и только приводит стилистические аргументы – сначала в пользу ранней, а затем в пользу поздней даты: K. J. Dover. The Chronology of Antiphon's Speeches // *CQ* 44 (1950) 56–59. М. Гагарин в введении к изданию Антифона предполагает, что *Тетралогии* были написаны раньше дошедших до нас судебных речей и что их следует датировать 430-ми годами, если не раньше (Gagarin [см. прим. 25] 4–5).

⁴⁴ Cp. Gernet (см. прим. 25) 11.